

Я ПРИНАДЛЕЖУ МАРКЕ С НОГ ДО ГОЛОВЫ КАРОЛЬ ФОРЕСТЬЕ, CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Кароль Форестье — знаменитый часовой инженер и единственная женщина среди главных часовых проектировщиков. Она училась в Швейцарии, начинала свою работу в известном на всю страну инкубаторе часовых талантов у Джулио Папи в бюро Renaud & Papi, а затем перешла в дом Cartier. В этом своем качестве она уже получала звание часовщика года на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve в 2012 году. Но у Кароль Форестье, как и у Cartier, каждый год урожайный.

— Что из нынешней коллекции, созданной вами для Женевского салона SIHH, вам самой интереснее?

— Думаю, я вас не удивлю, если скажу, что больше всего я горжусь часами с «большими осложнениями». Конечно, это часы не на каждый день, их не станешь носить повсюду, но это демонстрация того, что Cartier может теперь достигнуть самого высокого уровня механики. Как у нас говорят, коснуться пальцем небес.

— У нас «попасть пальцем в небо» говорят совсем по другому поводу. И я с вашего позволения сейчас так и поступлю. Не слишком ли много в работе на Cartier дисциплины, не слишком ли узкие рамки и свирепые ограничения?

— Вы имеете в виду, не хочется ли мне сделать что-нибудь абсолютно сумасшедшее, вне всяческих «кодов Cartier»? Но, послушайте, этот дом жил без меня и будет жить после меня. Я очень уважаю своих предшественников и делаю это искренне, без малейшего принуждения. В конце концов, братья Картье недаром сделали Santos и Montres Mysterieuses — для этого нужна была безумная изобретательность. И я совершенно не собираюсь радикализировать их эстетику или менять стиль Cartier.

— Когда вы только начинали в Renaud & Papi, вам приходилось работать на Cartier?

— Да, над некоторыми моделями из Collection Privee Cartier. Но позвали меня не из-за этого, а после того, как я получила приз на конкурсе Breguet Foundation за часы с центральной каруселью. Меня заметили, и я начала придумывать новые механизмы для Cartier. В это время у дома не было собственного конструкторского бюро, и они захотели его создать. Мне очень повезло, я считаю.

— Вы работаете для других марок?

— С тех пор я работаю только для Cartier, у меня нет ни минуты времени для других, я принадлежу марке с ног до головы, и мне это очень нравится.

— С чего начинается ваша работа? Вам говорят: нам нужен такой и такой механизм? Или это вы говорите: а давайте сделаем механизм — такой и вот такой?

— Бывает и так и этак. Иногда мне вручали бриф, притом суперточный, а иногда — давали карт-бланш. Есть вещи, которые я смогла предложить.

— Какие, например?

— Астрорегулятор. Астротурбийон. Или Crash-скелетон с новым механизмом. Это была очень забавная работа, очень приятная. Раньше, когда вы видели Crash, вы думали, возможно: «Какой сложный корпус, но простой механизм». В новой модели механизм так же важен, игра продолжается и снаружи, и изнутри.

— Вы ведь француженка, как вам живется в Швейцарии?

— Я не просто француженка, я парижанка. Но в Ла-Шо-де-Фоне я училась часовому делу, приехала сюда в 16 лет, да так и осталась. Кстати, когда я училась, на курсе было мало местных жителей. Все еще помнили кварцевый кризис, который здесь свирепствовал, и микромеханика считалась не очень верным ремеслом. Теперь все по-другому, но и я стала местной, у меня здесь семья, дети.

— На часовых фабриках работает много женщин, но среди главных конструкторов вы единственная. Почему?

— Сама не знаю. Мне это кажется несправедливостью и даже какой-то глупостью, потому что если и есть область, в которой техника сделана для женщин, то это часовое дело. Меня уже спрашивали однажды, не надо ли к слову «часовщик» придумать в пару «часовщица».

— Вы принадлежите к поколению молодых часовщиков, многие из которых сейчас работают как независимые мастера. Каково, на ваш взгляд, будущее независимых?

— Я думаю, что им вдвойне тяжело. Сначала заставить себя заметить, потом остаться независимыми. А дальше есть выбор. Мне-то легко говорить, раз мне повезло попасть на такую фантастическую работу. Подумайте сами, какое это удовольствие — создавать новые механизмы для знаменитого дома, у которого тем не менее не было собственных сложных механизмов.

— Вы никогда не хотели создать свою собственную марку, выпускать часы Carole Forestier?

— Только этого мне не хватало! Я люблю проектировать, творить. А если я однажды создам марку, мне придется делать что угодно, только не это. Маркетинг, коммуникации, общение с клиентами и журналистами — гори оно огнем.

Беседовал Алексей Тарханов

— Cartier, Grand Complication, 2015

если есть область,
в которой техника
сделана для женщин,
то это часовое дело

— Cartier, калибр Grand Complication, 2015

